

Глава 1
**УСТАНОВЛЕНИЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ЧЕРКЕССКИХ
КНЯЖЕСТВ И МОСКОВСКОГО ЦАРСТВА В СЕРЕДИНЕ XVI
ВЕКА**

**§ 1. Первые связи западно-адыгских княжеств с Россией:
особенности взаимоотношений**

Как известно, первое «черкасское»¹ посольство приехало в Москву в ноябре 1552 г.²

Это было посольство от «черкасских государей» западно-адыгских народов – живших в бассейне реки Кубани черкесов бесленеевских, жанеевских и абазинских. Возглавляли это посольство князья Маашук (Машуко) Кануков, Иван Езбозлуков и Танашук³. В историографии отмечается, что причиной установления связей адыгов с Россией в 1550-х гг. была международная политика того времени – война между Турцией и Персией за Закавказье в 1548–1555 гг., набеги крымского хана на Русь и Северный Кавказ, восточная политика Русского государства, «особенно присоединение к России Казанского и Астраханского ханств»⁴. Вероятно, непосредственным поводом для первого «черкасского» посольства в Москву являлся поход крымского хана против мятежных жанеевцев, совершённый в 1551 г.⁵

Крымское ханство, опиравшееся на поддержку Османской империи, совершало такие нападения на земли адыгов регулярно, начиная с 1475 г. За весь этот период, насчитывающий 75 с лишним лет, в различные области Черкесии десятки раз посылались войска, встречавшие мужественное сопротивление адыгских народов. Многие из этих походов заканчивались полным разгромом крымцев и особенно тяжёлые потери они несли в Кабарде. Так, в 1518 г. в Кабарде были наголову разбиты военные отряды крымского султана Бахадыр-Гирея, сына крымского хана Мухаммед-Гирея. По свидетельству русского посла в Крыму Ильи Челищева, из Кабарды вернулась лишь одна треть крымского войска, а две трети погибли⁶.

Несмотря на это, усилия крымских ханов и османских султанов по установлению своего господства в Черкесии не ослабевали. После победы в 1517 г. над мамлюкским султаном Египта и смерти последнего аббасидского халифа османская династия присвоила себе статус вселенских халифов. В этой обстановке натиск крымцев на Кабарду усилился, и черкесские кня-

жества почти ежегодно подвергались нападению крымских войск. В то же время, к середине XVI века Московское царство уже было могущественным централизованным государством. И потому взоры черкесских князей всё больше и больше обращались к своему северному соседу в надежде обрести в нём защитника от иноземной агрессии.

На установление связей «черкасских» княжеств с Россией не могло не повлиять и взятие русскими войсками Казани (2 октября 1552 г.) – событие, всколыхнувшее весь мусульманский мир соседней Московского царства⁷.

В ближайшие после 1552-го годы в отношениях России с восточными соседями наступил качественно новый этап: в 1554 г. русские войска вошли в Астрахань, а ещё через два года было упразднено и само ханство; в Москве появились посольства от правителей Хивы и Бухары; союзником Ивана IV Грозного стал ногайский правитель Исмаил; в 1555 г. сибирский бек признал себя вассалом русского царя – на этом общем фоне неудивительно, что и Северный Кавказ обратился в сторону новой, мощной силы, столь явственно заявившей о себе на Востоке.

Важно подчеркнуть, что главной просьбой западно-черкесских князей была защита их от крымского хана. Иначе говоря, северокавказские соседи просили от России прежде всего военной помощи в обмен на то, чтобы государь «их з землями взял к себе в холопи»⁸, т.е. принял их на свою службу, прежде всего военную. В случае удовлетворения просьбы черкесские князья становились вассалами русского царя. По-видимому, первоначально, этот вассалитет не оформлялся какими-либо документами (типа «шертных записей»). В августе 1553 г. государь «черкасских князей отпустил по их челобитию в Черкасы, и крест государю целовали на том, что им со всею землею Черкасскою служити государю до своего живота: куды их государь пошлет на службу, туды им ходити»⁹ (крестоцелование, по мнению историков, может свидетельствовать, что среди адыгов тогда сохранялось христианство¹⁰).

Вместе с князьями царь отправил «в Черкасы» своего посла Андрея Фёдоровича Щепотьева «правды их видети». Щепотьев провёл в Черкесии два года, разведывая обстановку.

В августе 1555 г. вместе с Щепотьевым в Москву приехали «князи черкасские от всей земли Черкасские», а точнее, также от западно-адыгских племён («жаженьские черкасы», т.е. жанеевские черкесы) во главе с жанеевским князем Сибоком. Князья просили царя о военной помощи против турецкого султана и крымского хана, «а они холопи царя и великого князя и з женами и з детьми во веки». При этом князья «дали правду всею землею быти им неотступным от царя и великого князя и служити им в веки, как им государь велит». Царь князей «пожаловал», т.е. их просьбу удовлетворил, хотя в помощи против турок отказал, потому что «турский салтан в миру со царем и великим князем, а от Крымского их хочет государь беречь». Кроме того князьям выдали «казенное жалованье»¹¹.

Совершенно очевидно, что это был шаг на пути к протекторату России над западно-черкесскими княжествами: князья давали обязательство служить царю, получая жалованье, причём давали «правду» царю от имени всей своей «земли», т.е. собственных подданных, и такое положение объявлялось постоянным и в будущем («во веки»). Очень важным аспектом при этом было крещение князей и вообще черкесов. В дальнейшем этот вопрос неоднократно возникал во взаимоотношениях с черкесами и кабардинцами.

Иными словами, русское присутствие в этом регионе должно было стать не только военно-политическим, но и религиозным.

Летом 1556 г. русские войска вторично заняли Астрахань. Астраханское ханство в качестве самостоятельного государства прекратило своё существование. Теперь всё Поволжье вошло в состав Московского царства. Рубежи России вплотную придвинулись к землям Северного Кавказа. Это не могло не вызвать новый всплеск активности северокавказских правителей по отношению к могущественному северному соседу¹².

В июне 1557 г. «приехали князи черкасские служить государю», «и царь... их пожаловал и устроил их»¹³. Речь идёт о западно-черкесских князьях – бесленеевском князе Маашуке (Машуко) Канукове и жанеевском Сибоке Кансаукове и нескольких мурзах. Оба князя крестились: Маашук с именем Иван, а Сибок с именем Василий. Их крестильные имена соответствовали именам их сюзерена царя Ивана IV и его отца Василия III (напомним, что имя «Иван» носил и князь Иван Езбозлуков). Князья Черкасские (так они именовались в России) принимали участие в Ливонской войне и были отпущены домой в феврале 1560 г. вместе с назначенным «в Черкасы» воеводой князем Вишневецким¹⁴.

§ 2. Первые связи Кабарды с Московским царством

В июле того же 1557 г., «прислал из Асторохани Иван Черемисинов да Михайло Колупаев Ваську Вражского с черкасским мурзою с Кавклычем Кануковым, а пришел от братии от кабартыньских князей черкасских от Темрюка да от Тазрюта-князя бити челом, чтоб их государь пожаловал, велел им себе служитьи и в холопстве их учинил»¹⁵ (это «челобитье», судя по всему, было принято¹⁶).

Так начались первые связи России с Восточной Кабардой, где находилось княжество, в котором правили потомки Инала-мурзы – представители рода Идаровых. Темрюк был старшим из пяти сыновей Идара. К тому времени он являлся и верховным князем (пши-валием, пшышхуэ) Кабарды. В качестве своего посла Темрюк выбрал мурзу Кавклыча (Канклыча) Канукова, вероятно, принадлежавшего к роду бесленеевских князей, что может свидетельствовать о подчинении Бесленеевского княжества верховной власти Кабардинского пшышхуэ.

Военная помощь на этот раз требовалась со стороны астраханских воевод против дагестанского шамхала. Причём, кабардинские князья сообщали, что с ними «в одной правде и в заговоре иверской князь и вся земля Иверскаа и государю с ними же бьют челом, чтоб государь... их по тому же пожаловал, как и тех всех»¹⁷. Для истории появления в царском титуле кавказских объектов это известие имеет принципиально важное значение, как свидетельство того, что русско-грузинские и русско-кабардинские отношения развивались параллельно и взаимосвязанно.

Тогда же к астраханским воеводам «пришли послы от крымшевкала и от всей земли Шевкальские да от тюменского князя с поминки бити челом, чтоб государь пожаловал их и велел быти в своем имени, и в холопстве у себя учинил, и приказал бы астороханским воеводам беречи их от всех сторон, и торговым бы людем дорогу пожаловал государь, велел чисту учинить; и что ся государю у них полюбит и что велит к себе прислати, ино все то к государю присылати станут ежегод»¹⁸.

Рис. 1. Приезд кабардинских послов в Москву в 1557 г.
Миниатюра лицевого свода Синодального собрания ГИМ. № 962. л. 303об.

Судя по всему, московское правительство предпочло поддерживать кабардинцев, а не их восточных соседей, придерживавшихся прокрымской и протурецкой ориентации¹⁹. Впоследствии дагестанские правители ещё не раз пытались установить контакты с Москвой. Так, в октябре 1558 г. «из Черкас» в Москву приехали сыновья Темрюка, «чтобы государь их жаловал, своих холопей, и оборонь учинил от шевкальского государя», и тогда же приехали «с любовным челобитьем» посольства из Хивы («Юргенча») и Бухары, от Тюменского князя с поминками и просьбой, чтобы царь «держал их в своем

Рис. 2. Помощь русского отряда кабардинскому князю Темрюку против его «недругов». Миниатюра лицевого свода синодального собрания ГИМ, № 962. л. 518об.

имени», и от самого шевкала «с поминки и з челобитьем, чтобы их царь и великий князь оборонил от холопей своих от Черкасских князей»²⁰ (!).

А в декабре 1559 г. тюменский мурза Мамай Агишев просил послать войско против своего гяди, тюменского князя, и «учинить» его на Тюмени князем. «а он холоп государев неотступен во веки». «Да ис Шевкала к государю приказывают, чтобы прислал рать на Крым-Шевкала, а им дал иногю, а они всю землю хологи государевы неотступно»²¹. «Однако установившиеся в эти же годы взаимоотношения Русского государства с Кабардою исключали

поддержку шамхала против кабардинцев», – пришла к заключению Е.Н. Кушева²².

Позиция Ивана IV в данном случае вполне естественна. К этому времени, русско-адыгское боевое содружество уже не раз было проверено на деле. Известно, что уже в самом начале установления взаимоотношений, летом 1555 г., войско боярина Ивана Васильевича Шереметева было послано в степь навстречу войскам крымского хана, чтобы отвлечь их от похода на Черкесию. В ходе сражения с крымцами русские понесли тяжёлые потери, но спасли адыгов от очередного разорения²³.

Адыги, в свою очередь, в 1558 г. приняли активное участие в действиях русских войск в начавшейся Ливонской войне. По свидетельству летописи, в октябре 1558 г. царь направил к ливонскому замку Рынголу (Рингену), находившемуся во владениях дерптского епископа, среди других отрядов и дружины черкесских князей – бесленеевского Ивана (Маашука) Канукова и жанеевского Василия (Сибока) Кансаукова, которые выступили в передовом полку. «А велел воеводам (*царь*) съездаться в передовой полк ко князю Ивану Маашуку Черказскому»²⁴. По словам военного историка В.А. Потто, кабардинцы отличились в Ливонской войне «при взятии города Мильгена и, в особенности, при осаде города Дерпта, под которым они совместно с русскими войсками наголову разбили немецкую конницу, пытавшуюся сделать вылазку из города»²⁵.

В сентябре 1562 г., уже после женитьбы на Марии Темрюковне, в связи с обострившейся ситуацией в Кабарде, грозившей смещением Темрюка, Иван IV направил туда «посольством» Григория Семёновича Плещеева, вместе с которым из Казани и из Астрахани было отправлено 500 стрельцов, во главе с Григорием Вражским, и 500 казаков. «А велел государь Григорью Плещееву с стрельцы и с казаки жити у Темрюка и слушати его во всем и от всех его недругов беречи и в войну ходити с его людьми вместе, куды его Темрюк-князь учнет посылати»²⁶.

Воспользовавшись этой поддержкой, Темрюк вступил во владения непокорного кабардинского князя Пшеапшоко Кайтукова, союзником которого был основатель Малой Ногайской орды мирза Гази бен Урак (Казый Ураков русских источников). «И Темрюк со государскими людьми недругом своим недружбу довел и в свою волю их привел, а воевал Шепшуковы улусы... и взяти три городки... А те городки были Шепшуковы-княжие, и люди тех городков добили челом Темрюку-князю, и дань Темрюк-князь на них положил»²⁷. В 1565 г. в тех же целях в Кабарду была послана рать под началом воеводы князя Ивана Дмитриевича Дашкова. При поддержке русских войск Темрюк вновь действует против «непослушного» Пшеапшоко, владениям которого был нанесён большой урон²⁸.

Действия Темрюка были направлены на установление доминирующих позиций княжеского рода Идаровых в Кабарде, а затем и во всей Черкесии. Возможно, он ставил своей целью широкое политическое объединение всех черкесских княжеств, а централизаторские тенденции в середине XVI века воспринимались как весьма актуальные.

§ 3. Характер взаимоотношений черкесских княжеств и Русского государства

Итак, сведения о первых русско-«черкасских» связях ясно по-казывают следующее:

1. Сначала к московскому царю обратились западно-адыгские (западночеркесские) князья, а затем восточно-адыгские (кабардинские), причём для обозначения этих народностей русские источники употребляют общее название – «Черкасы». Затем уже оно могло подразделяться на более конкретные наименования – «черкасы жаженьские», «черкасы пятигорские», «черкасы кабартыньские» и др.²⁹

2. Главной просьбой («черкасских») князей была военная помощь против крымского хана (у западных племён) и против шамхала (у восточных племён).

3. В обмен на военную помощь «черкасские» князья становились «холопами» государя, обещали ему «служити», т.е. поступали на службу, признавая себя обязанными участвовать в походах русских войск на неприятеля. Периодически князьям посылались жалованье. В свою очередь, московский царь принимал обязательство защищать верных Русскому государству кабардинских князей от их врагов.

4. Очень важным моментом было присутствие в обращениях западночеркесских князей понятия «земля» («со всею землею Черкасскою», «ото всей земли Черказские» и т.д.), что свидетельствовало о коллективном решении со стороны этих княжеств принять покровительство московского государя. Наличие такого «расширительного» контекста можно рассматривать как первые признаки на пути установления протектората, хотя следует иметь в виду, что *понятия правителя и его «земли» были в сознании людей того времени почти неразрывны (правитель олицетворял свою «землю», т.е. своё государство и своих подданных)*³⁰.

Показательно, между тем, что слово «земля» не употребляется при описании обращения кабардинских князей в 1557 г. Следовательно, в данном случае отношения строились в большей степени на «индивидуальном» уровне. Поэтому, можно считать, что принятие покровительства разными «черкасскими» княжествами имело свои особенности. Вассалитет кабардинских князей не предполагал протектората, поскольку не имел основанием решение «всей земли». Иными словами, эта зависимость осуществлялась в наиболее мягкой форме.

Летописное известие от сентября 1559 г. – «Все черкасы бият челом, чтобы их государь пожаловал, дал бы им воеводу своего в Черкасы и велел бы их всех крестити»³¹ – свидетельствует о попытке непосредственного включения территории западно-черкесских княжеств в состав Русского государства и крещении местного населения.

Воеводой в феврале 1560 г. был назначен князь Дмитрий Иванович Вишневецкий, находившийся в Западной Черкесии до 1561 г., а потом перешедший на службу в Польшу. Одновременно с Вишневецким «по челобитью кабартыньских князей и по неправдам шевкаловым» царь направил на Терек астраханского воеводу Ивана Семёновича Черемисинова «и с-Иваном отпустил попы христианьские по их обещаению и челобитью крестит их, кабартанских черкас»³².

Однако Черемисинов отправился в Кабарду не в качестве царского наместника, а как предводитель военного похода против шамхала. Поэтому можно считать, что отношения России с Кабардой носили иной характер, нежели с западно-черкесскими княжествами. Кабардинские князья считались находившимися на царской службе, но сама Кабарда в административном смысле частью Русского государства не была. «Признание кабардинцев «холопами» русского царя и их служба Русскому государству не означали включения Кабарды в государственные границы и не повели к назначению в Кабарду русской администрации, как это было признано необходимым в отношении Казанского и Астраханского ханств», – справедливо отмечает Е.Н. Кушева³³.